

Ольга КРУТИКОВА

выпускница БГПУ 2003 года



ПРИВИВКА ОТ ОШИБОК

Рассказ

«Даже если вам и захочется совершить ошибку, поверьте: вы никогда её уже не сделаете, – говорила нам, выпускницам филфака, преподаватель по современному русскому языку, утончённая статная дама в светлом костюме, больше похожая на английскую леди, – потому что вы теперь грамотные, образованные люди, у вас филологическая прививка».

С задранным вверх от гордости подбородком (нет бы посмотреть под ноги) и дипломом о высшем образовании я спускалась с железной гремучей университетской лестницы, которая была настолько крута, что время от времени питалась каблуками студенток, оступившихся на ней. Напоследок лестница решила полакомиться и моей точёной туфелькой, начисто скосив восьмисантиметровую шпильку. «Какое ужасное положение дел!» – подумала я, стараясь тщательно выбрать выражение, соответствующее моему вакцинированному нормативной лексикой сознанию.

Одна моя нога продолжала возвышаться над полом, а носок второй туфли странным образом загнулся вперёд, словно у какого-то калифа из восточных сказок.

Как я ковыляла по улице, хромая, он видел из окна своего спортивного авто, стоящего перед светофором, когда я пересекала дорогу прямо перед ним, и, видимо, сжалился.

– Эй! – крикнул он, приоткрыв окно. – Ты Золушка или Шахерезада? Садись, довезу.

Садиться в машины к незнакомцам крайне опасно, но ноги мои смотрелись как два неуклюжих клоуна из цирка, да и раздумывать некогда, светофор готовился моргнуть красным светом, и, включив у себя в голове бесконечный зелёный, я с радостью разместила у него на заднем сидении. Прямо между пакетом с пивными бутылками и битой.

Очутившись, наконец, в зоне комфорта, я моментально влюбилась в своего спасителя. Даже не знаю, что зацепило меня сильнее: светлый затылок, лимонного цвета свитер или его громогласное басовитое «эй!»

Любовь накрыла меня светонепроницаемым копаком, и там, в темноте своих концентрированных чувств, я перестала что-либо замечать. Моя способность анализировать события и детали начисто растворилась в крошечной мгле. Никаких очертаний здравого смысла.

Герой мой был невысок, одного со мной роста, что полностью исключало ношение каблуков. Оставим золушек их романтичным и нежным принцам, а шпильки – старенькому комоду в углу гардеробной. Впрочем, любимый мой – да, он тоже был романтиком, только с другой дороги. С большой.

Если представить весы, то на одной чаше стояли маленькие гири: однограммовое мажорство и его единственно правильное мнение на всё происходящее вокруг, рядом гири потяжелей – сбыт наркотиков, судимость и двадцать неоплаченных штрафов ГИБДД. На другую сторону весов упал тяжёлый многокилограммовый метеорит под названием «моя любовь», и, конечно же, эта чаша перевесила. Все сорок девять килограммов моего тела были на стороне охватившей меня страсти. А душа... я сомневаюсь, была ли у меня в ту пору душа. Не помню, когда она успела выпасть. Тогда ли, когда мы чуть не врезались в дерево или когда едва не сбили людей на дороге. Или, возможно, когда парашют, с которым мы прыгнули в одной с ним связке, долго не раскрывался. Долго – это всего лишь несколько нескончаемых секунд. «Эге-гей, – кричал он мне в ухо безбашенно и возбуждённо, – сейчас мы умрём красиво и в один миг!»

Я писала ему стихи, очень простенькие, безыскусные, словно скорлупа пустого грецкого ореха: форма почти совершенна, а центра вселенной нет, но полное отсутствие в них какой-либо художественной ценности он заметить не мог, сравнить ему было не с чем, Цветаевой он никогда не читал. И потому уже одно наличие адресованных ему рифмованных строчек превращалось для него в приворотное зелье. «Ну, ты, мать, даёшь!» – восхищённо перезванивал он после каждого моего «гениального» четверостишья. И, разумеется, я ему верила. Да, я отлично пишу, – думалось мне тогда.

Мои родители на дух его не переносили, но он и не старался им понравиться, был слишком важен в свои двадцать девять лет, имел прожигающий взгляд и дружил с кем-то из крупных чиновников. «Подумай, – убеждал меня отец, потому что у мамы закончились аргументы, – эти отношения будут тебе очень дорого стоить, ты глубоко ошибаешься насчёт своего парня».

В его же семье на меня смотрели с трепетом, надеждой и удивлением, как на тропическую бабочку, чудом залетевшую в их огород. Что называется, не спугнуть бы...

— Откуда у таких интеллигентных родителей можешь быть ты? — спрашивала я его, невооружённым глазом замечая контраст между вежливой и улыбчивой четой и им, их сыном, слушающим у себя в машине «Rammstein» и одной рукой сжимающим моё хрупкое тело до хруста где-то в районе рёбер. Одновременно он успевал посылать кому-то проклятия в телефон.

— Они всё время работали, — отвечал он, совершенно не обижаясь, — а меня воспитали двор и лихие девяностые. Однажды, ещё маленьким, зимой я потерял ключи и так и просидел в беседке на улице в самый мороз, пока поздним вечером мама не принесла меня, почти окоченевшего, в дом. Никто мной особенно не занимался, вместо сказок на ночь у меня был говорящий робот. Надо уметь вкалывать — слышал я постоянно от отца. Зато теперь, посмотри, они могут назвать себя состоятельными.

Где вкалывал он, я толком не имела понятия. Отдавая меня в руки своим родителям, словно в детский сад, он мог исчезать ночами. А они наперебой старались мне угодить, и это тяготило меня сильнее, чем если бы я сдавала экзамен на лучшую партию для их единственного мальчика. Мама его посвящала меня во все семейные тайны, какие-то там традиции, заплетала мне косы, потому что дочки у неё никогда не было, а ей хотелось. Отец же ходил за мной по пятам с кроссвордами, ожидая познаний во всех областях и сферах жизни (ты же филолог, ты знаешь все слова). И да, иногда интеллектом блеснуть удавалось, но он на этом не останавливался. «ПикАссо или Пикассо, твОрог или творОг? — хитро прищурился он каждый раз, как будто для кроссворда ударение имело значение. Получив правильный ответ, мой почти родственник, начитавшийся энциклопедий, выдавал что-то вроде грузинского «вах», так несвойственного его славянской внешности.

«Положите мне уже, что ли, горошину под простынь», — думала я, когда они вдвоём расстлали мне кровать на ночь, не принимая моей помощи. Может, меня таким коварным способом удочерили? Какой хитроумный план...

Если он возвращался среди ночи и, тревожный и напряжённый в каждом своём мускуле, не мог долго уснуть, я читала ему в тишине стихи известных поэтов. «Всё-таки ты Шахерезада, Шахерезада», — повторял еле слышно он, слабо касаясь губами моего плеча и засыпая. Легко убаюкивать, если в твоём арсенале Есенин и Бродский...

Первое время меня преследовали бывшие его пассии. С профессиональным нюхом собак-ищек они отслеживали маршруты наших перемещений, старались испепелить меня оценивающим взглядом, находили в соцсетях, отмечаясь ревнивыми комментариями под моими фото. Боже, сколько их было у него? Пять? Восемь? И неужели все они встречались с ним одновременно? Как-то вечером у магазина с меня

сорвали сумку, легкомысленно висевшую на плече. Догонять было бесполезно. Единственной ценностью был паспорт, который вскоре нашли прохожие и принесли мне прямо домой, посмотрев прописку. К чёрно-белому моему изображению на первой странице зелёным маркером были пририсованы рога и усы, а там, где полагается отмечать «семейное положение», — старательно вывели: «Ты с ним никогда не будешь». Дописав к последнему слову мягкий знак, я поторопилась скорее получить новенький документ. Скорее — потому что без паспорта замуж-то не выйдешь.

Свадьба у нас намечалась в стиле хиппи. Это когда он просит тебя надеть короткое платье, розовое или цвета тиффани, так модно. А поверх наряда — кожаный грубый ремень. Ты в отместку уверяешь его отрастить бородку и выкрасить в свой любимый оттенок. В моём случае — фиолетовый. «Ну а что, — легко соглашается он, — почему бы и нет, в таком прикиде неплохо слетать в Нидерланды». И решительно покупает билеты в Амстердам.

В предсвадебный летний вечер я сижу в своей комнате, в кровати с шёлковым скользким постельным бельём.

— Вот посмотришь, — мелькает в дверях мамино удручённое лицо, — в Амстердаме он продаст тебя в рабство какому-нибудь заезжему арабу и, в лучшем случае, ты будешь мыть полы в трущобах Омана.

Мамина фантазия безгранична.

Комната моя кажется летучим кораблём, да, голландцем, от обилия воздушных шаров, которые он привёз мне для праздничного настроения. Спать мне совсем не хочется. А хочется в утро, в платье и в кольцо. И туда, где луковицы тюльпанов продают в сувенирных фарфоровых башмачках на цветочном рынке, где мельницы экспромтом, на память, рисует уличный художник, пожилой француз, и случайно роняет кисти. И ты наклоняешься, чтобы поднять и услышать, как непривычно он коверкает русский и говорит: «Спасибо, мадемуазель». Этот свёрток с рисунком потом всю дорогу, гуляя, носить в рюкзаке за плечами, как крылья, и затемно, надышавшись дождём, возвращаться в маленький частный отель. Рыжебородый хозяин встречает тебя сам лично, как впрочем, и всех других гостей, и ты пронзительно вглядываешься в его черты, словно где-то, когда-то и при каких-то обстоятельствах могла его повстречать. И позже, в гостиничном номере, когда стихнет музыка в кафе у соседних танцующих домов, можно долго мучиться по причине беспомощности и отсутствия вдохновения и, дождавшись прекращения дождя, открыть окно. Постепенно прислушиваясь к смуглой голландской ночи, начинать понимать её сначала неподвластный тебе язык, говорить с ней на всём её протяжении, соблюдая интонационные паузы и расставляя знаки вопросов. Иногда срывать на парочку точных рифм.

И только утром, за завтраком в баре отеля, размешивая золочёной ложечкой молочное сердце капучино, вдруг осознать, что стихотворчество — это заразно, как вирус, поболит и проходит, и лучше бы от него прививали. А поэзия — дар, и сколько бы руки я в

краске ни пачкала – холст мой со временем выцветет и обветшает. Чтобы понять, чего ты стоишь как автор, критики ждать необязательно. Достаточно открыть кого-то из признанных и сравнить. И чтобы не разрыдаться окончательно от бессилия, лучше смотреть неподвижно на розы на маленьком фарфоровом чайнике, на крошечную копию фрегата на столе и на ровную спину стоящего у барной стойки рыжебородого хозяина. Он неожиданно обернётся, и, встретившись с ним глазами, ты наконец-то узнаешь его: Ван Гог... На светломолочной, как сыр, салфетке он пишет тебе адреса музеев, где ты ещё не была, и аккуратно и ровно складывает её в конверт. И уже прошагав километры брусчатки вдоль городских каналов и испугавшись, что заблудилась, вскрыть его и обнаружить, что вместо тончайшей бумаги – цветы. Синие ирисы, те, что с полотен Ван Гога. Им больше сотни лет, но они живые...

Где-то на самой границе сна и реальности я вздрагиваю и тихо лежу, не открывая глаз. Он, мой будущий муж, не выдерживает испытания одиночеством, и на дисплее телефона в половине второго ночи всплывает окошко с парой слов. «НапЕши стЕшок», – читаю я раз, наверное, десять и произношу эти слова сама, осторожно пробуя их на вкус, словно придворный дегустатор королевских особ, ожидая отравы. От смеха скатываюсь с кровати и, завернувшись в шёлковую простыню, будто в гигантский кокон, катаюсь по полу. Превращаюсь, наоборот, из бабочки в гусеницу. Крылья больше не отрастут, и, привязав своё свадебное розовое платье к воздушным шарам, отправляю его в путешествие по ночному небу.

Я никогда не умирала, но, мне кажется, теперь представляю, что чувствуют люди, когда их возвращают с того света врачи. Ощущение самой себя изнутри стало намного важнее, чем то, что называют «раствориться в

другом человеке без остатка». Нет, химия всё ещё оставалась, и если бы он ко мне прикоснулся, и если бы целовал... Но необратимый процесс распада молекул уже был запущен. И стоит ли ждать, когда они распадутся совсем?

Погружаясь всё это время в его внутренний мир, я вдруг ощутила дно, как у неглубокого озера, а я хочу плыть по реке с быстрым течением, в конечном итоге впадая в океан. Да, я хочу в бесконечность. Туда, где...

...рыбу можно ловить руками,
плыть за тонущими облаками,
любоваться расставленной вдалеке чередой лесов,
слышать, как в трюме большого лайнера хлопает засов.
И потом, в тайниках своей памяти, собирать по крупицам красивые лица молодых моряков...

Открыв компьютер, я отыскала адреса всех приглашённых на свадьбу и разослала им ошарашивающее сообщение о том, что торжество не состоится. В ту же минуту нашлась парочка таких же, как и я, полуночников, и настрочила по десять изумлённых смайликов в ответ. Что я могла объяснить им? Им, экономившим на своих мыслительно-речевых усилиях? Что у меня филологическая прививка, прошивка факультета самых благородных наук, стержень чистой русской грамматики, основа основ, начало начал (ведь как ни крути, а в начале было Слово, и ничто другое)? Пальцы мои, наконец, коснулись клавиатуры и вывели несколько строк печатного текста.

«Понимаете, – писала я, приводя их, наверное, в ещё большее замешательство, – жених мой просит стихов, а я их писать не умею, да и с прозой справиться не могу. Так вот бывает, мнишь себя великим писателем, а на деле оказывается – не дано».